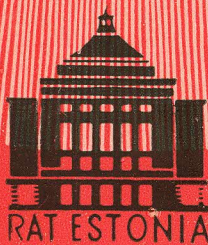

КОЛА БРЮНЬОН

RAT ESTONIA

КОЛА БРЮНЬОН

Опера в 3-х действиях, 8 картинах
с интермедиями и прологом

Музыка ДМИТРИЯ КАБАЛЕВСКОГО, либретто В. БРАГИНА и
Д. КАБАЛЕВСКОГО по повести РОМЕНА РОЛЛАНА

Автору оперы, композитору Д. Б. Кабалевскому в 1972 г. присужде-
на Ленинская премия.

На Всесоюзном конкурсе на лучший музыкальный спектакль в озна-
менование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина ГАТ «Эстония»
за эту постановку удостоен диплома I степени.

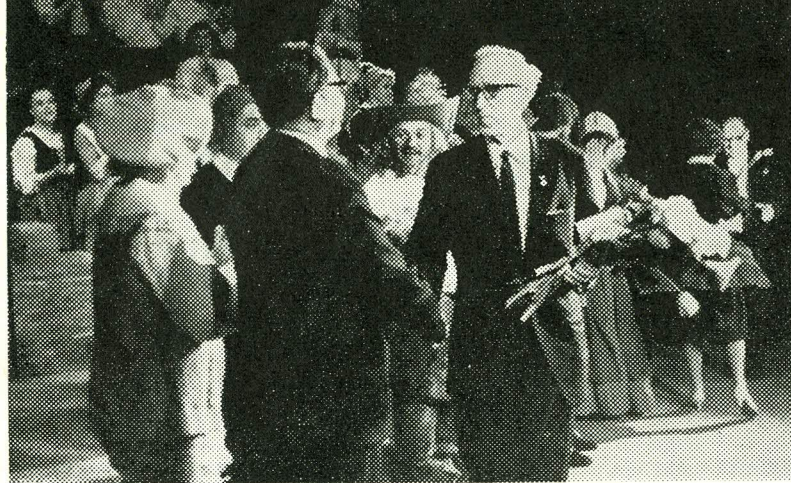
Дирижер — народный артист ЭССР КИРИЛЛ РАУДСЕПП
 Постановщик — засл. деятель искусств ЭССР УДО ВЯЛЯОТС
 Художник — засл. художник ЭССР ЛЕМБИТ РООЗА
 Хормейстер — засл. деятель искусств ЭССР УНО ЯРВЕЛА
 Балетмейстер — МАЙ МУРДМАА
 Концертмейстеры — засл. артистка ЭССР ТЕКЛА КОХА
 РЭЭТ ЛАУЛЬ

В ролях:

Кола Брюньон	— народный артист СССР ГЕОРГ ОТС
Селина	— засл. артистка ЭССР УРВЕ ТАУТС ЭВЕ НЭЭМ
Жакелина	— засл. артистка ЭССР АЙНО КЮЛЬВАНД
Жифлар	— ЭРВИН КЯРВЕТ
Кюре Шамай	— АРТУР ЛИННАМЯГИ
Робинэ	— ЭННО ЭЭСМАА
Герцог д'Ануа	— КАЛЬЮ КАРАСК
М-ль де Терм	— ХАЙЛИ САММЕЛСЕЛЪГ
Герольд	— ХЕЙНО РИКАС
1-й гражданин	— РИНАЛЬД БАМБЕРГ ВЕРНИ КИРС
2-й гражданин	— УНО КРЭЭН

Действие происходит во Франции в конце XVI, начале XVII веков

Ведет спектакль — ЮРИ КРУУС

Композитор Д. Кабалевский на сцене театра «Эстония» после премьеры

«Я избрал своим девизом великие слова Бетховена «Durch Leiden Freude» не в извращенном истолковании их, как «Радость в страдании, а в подлинном их значении: «Через (durch) страдание и несмотря на него — радость». Или еще сильнее: «Друзья, вы те, кто страдаете, берите радость, завоюйте ее». Что касается меня, то я завоевал ее моим Жан-Кристофом и его жизнью, полной борьбы, и из умершего Жан-Кристофа тотчас же возник бодрый Кола Брюньон».

(Из обращения Р. Роллана к советским читателям, 1934 г.).

Кола Брюньон стал героем оперы Кабалевского уже в 30-е годы; премьера оперы «Мастер из Кламси» состоялась в Ленинградском Малом оперном театре в 1938 году. Роллан высоко оценил произведение советского композитора («В целом Ваше произведение одно из лучших, которые я знаю среди новой русской сценической музыки. У Вас талант драматического развития, что отсутствует у многих композиторов...»), но в то же время он остро критиковал либретто оперы. («В либретто не сохранились характеры Франции и Бургундии, мой Кола Брюньон. Я не нахожу там более своего героя, у которого он (либреттист) подменил, если так можно выразиться, тональность»).

Около 30-и лет не покидала композитора мысль о создании нового «Кола Брюньона»; еще более вдохновило его посещение Бургундии и мест, связанных с Брюньоном, в 1953 году. Кабалевский сам написал новое либретто и в конце 1969 года закончил оркестровку произведения. Таким образом мы имеем дело с постановкой совершенно новой оперы. Сбываются слова Роллана:

«Особенность произведения, подлинно живого в том, что при своем рождении, когда оно возникает у автора, оно находится еще только в начале пути. Оно развивается и продолжает жить, проходя сквозь толпу читателей, обогащается их существом... приобретает силы, идя вперед. Те самые века и страны, которые его усыновляют, придают ему ткань своих мечтаний. И если оно достаточно сильно, чтоб их нести, оно становится классическим и «общечеловеческим».

(Из предисловия Р. Роллана к советскому изданию «Кола Брюньона», 1936 г.)

Советскую страну Роллан называл «Родной радости». Предвосхищая свое завещание, (в котором Роллан завещал все свои дневники и письма Советскому Союзу), он писал в 1929 году:

«Сын Бургундии, внук Кола Брюньона вверяет свой очаг покровительству Радости: она — солнце жизни. Но не от нас зависит, чтобы солнце не заволакивалось тучами. Единственно, что мы можем, — это сберечь под тучами, в нашем сердце, отсвет скрытого солнца. Вы сберегли его в недрах самой глубокой ночи — юным, ясным незамутненным, подобным светлым глазам ваших маленьких детей и свежему источнику ваших прекрасных песен... Нет, я не люблю страдания. Но больше всех людей я люблю тех, кто прошел сквозь него, не сломившись и не унизившись, не утратив сокровища своей внутренней жизни, — тех, кто наоборот, сумел, как добрые пахари, хорошо обработать землю, по которой прошло страдание».

Георг Отс в роли Кола

Содержание оперы

Увертюра — музыкальный портрет Кола Брюньона, мастера из народа, скульптора, резчика по дереву, весельчака и балагура, могучий дух которого никогда не сломят никакие беды и несчастья: «Не бывает мрачных времен, бывают только мрачные люди. Я, слава тебе, господи, не из их числа!..»

Пролог — Брюньон — ему уже пятьдесят стукнуло — хочет рассказать нам повесть своей жизни... «А, не будем забегать вперед! Всему свой черед!» Рассказ о жизни уступает место самой жизни...

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

1-я картина — виноградники в предместье Кламси. Знойный полдень. Девушки собирают виноград. Брюньон и Селина-Ласочка, как всегда, не спускают друг с друга глаз, но и не дают друг другу покоя. Язычок у обоих подвешен неплохо. Любят ли они друг друга? Конечно, любят, да характер у обоих такой, что лучше сгорят, чем признаются в этом. Разные причуды бывают у любви, особенно, когда каждый слишком горд и считает себя сильнее другого. Герцогский лакей Жифлар только и ждет случая, чтобы воспользовавшись очередной ссорой Кола с Ласочкой, захватить ее самому. А чернушка Жакелина «готова съесть Брюньона живьем» — любит она его до смерти. Из замка Кенси донесся звук колокола. Запыхавшийся кюре Шамай возвещает новость: герцог из Парижа вернулся, с гостями и новым гарнизоном.

Интермедия — хорошо знают кламсийцы, каких «защитников» найдут они в герцогских солдатах — пьяницах и обжорах. «Спаси нас, боже, от наших спасителей, а себя мы и сами спасем»...

2-я картина — на лугу перед замком Кенси кламсийцы приветствуют (не слишком восторженно!) своего герцога. Хвастливо кичится неумный феодальный князек перед парижскими гостями своим отменным мастером Брюньоном, чьими прекрасными изделиями украшены все покои замка. Вместе с парижской красоткой м-ль де Терм и другими гостями герцог удаляется в замок. А народ веселится на лугу. Брюньона то тянет в замок, то он сам тянется к Селине. Тут уже она стала сущей дьяволицей. Закружила Жифлара, и подвыпивший кюре благословил их на брак... А Кола все-таки попался в цепкие коготки чернушки Жакелины...

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

3-я картина — 30 лет прожил Кола с Жакелиной. Она изгоняла из дома пыль и тишину, а он трудился со своим любимым учеником Робине, смеялся над ней, смеялся над самим собой, смеялся надо всем... Только не над воспоминаниями о Селине-Ласочке. Он изваял ее в дереве — это лучшее, что он сделал. Это его радость и счастье, радость и счастье человека и художника. И еще есть у него радость и счастье — его маленькая «игрушка-зверушка», любимая внучка Глоди. В ней вся его жизнь, все его будущее... Герцог забирает в свой замок все лучшие творения Брюньона. Вот

теперь он уносит и изваяние Ласочки. «Там она будет сохранена от огня, дождя и ветра», — утешает себя Кола. Что бы ни было — он художник и мастер, он верит в жизнь, в свои силы, в бессмертные искусства, в грядущий день. . . Шамай, спасаясь от прихожан — то им молебен, то крестный ход, то то, то это — вносит в дом своего старого друга обычное веселье, шутки, смех. . . Но, ненадолго — церковный хорал за стенами дома звучит грозным предупреждением: в город вошла чума!

Интермедия — страшное и неумолимое народное бедствие нависло черной тучей над Кламси — городом плавных холмов и нежных отсветов, над домами трудолюбивых и жизнерадостных кламсийцев. . .

4-я картина — за городскими воротами, на склоне холма Кола то еле слышно стонет, то рычит по-звериному. Это идет его схватка с чумой — не на жизнь, а на смерть. Бредовые видения чередуются с удивительной ясностью мысли, когда он восторженно любит звезды в ночном небе. Так видеть звезды и так слышать их перезвон может только художник, любящий жизнь неистребимой любовью. И эта любовь к жизни победила — чума поперхнулась Брюньоном. . . Тогда и друзья стали возвращаться. Первым, конечно, безбожник-кюре Шамай с бутылочкой Шабли. А за ним и любимый ученик Кола — Робине с отчаянной вестью: в городе жгут зачумленные дома, сожгли и дом Брюньона. Ничего не осталось, кроме любимой его флейточки-флажолета. . . «Ну, что ж, это лучше, чем ничего», — не унывает Брюньон, подкрепившись глотком доброго бургундского вина. . . Но тут кюре выкладывает свою весть, похуже, чем весть о сгоревшем доме: Жакелина собирается в лучший мир. . . Да не одна, а вместе с внучкой, с маленькой Глоди. . . Потрясенный Брюньон с трудом поднимается на ноги и, опираясь на палку, тяжелой походкой идет в город.

Интермедия — медленно, тяжело бредет Брюньон по дороге. Вслед за ним — его верный Робине.

5-я картина — впервые за тридцать лет услышал Кола от умирающей жены слова любви. Но какие это были слова! «Я тебя любила, а ты меня не любил. Поэтому ты был добрым, а я была злая. Я ненавидела тебя за то, что ты меня не любишь, а тебе было все равно. У тебя был смех, твой вечный смех, Кола! . . .» За несколько мгновений они словно перечитали всю печальную повесть своей жизни. А в соседней комнате, отчаянно борясь со смертью, бьется, как раненная птичка, Глоди. И вдруг совершается чудо — смерть отступает от кровати маленькой мученицы. Она дышит! . . . Дышит! . . . «Теперь я могу идти», — с этими словами Жакелина тихо и спокойно расстается с жизнью. Брюньон закрывает ей веки, складывает вместе ее трудолюбивые руки, ни разу не отдохнувшие за всю жизнь, задвигает полог кровати и подходит к малютке, всматриваясь в то, как она спит. Нежные, колыбельные слова так много пережившего Брюньона перерастают в гимн жизни, обращенный к тем, кто придет после него, кто будет красивее, лучше и счастливее его, кто будет видеть дальше него, шагая над его могилкой. . .

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

6-я картина — с того памятного праздника на лугу в честь приехавшего герцога больше 30 лет не видели друг друга Селина и Брюньон. И вдруг встретились. Впрочем, вдруг ли? Обманывал себя Кола, думая, что случайно забрал на ферму, где жила и хозяйничала его Селина, его шустрая Ласочка. О каких только пустяках они не болтали, а в душе у обоих звучит, как вечное напоминание о юных годах — нежный мотив песни сборщиц винограда. И, наконец, не выдержав, Селина впервые без колючих шуток, без дразнящей игры призналась во всем. Тридцать лет носила она в себе эти горячие слова любви и теперь выплеснула их с такой силой страсти, словно опять стала 18-летней Ласочкой. . . Но жизнь прошла. Ничего нельзя вернуть. «Кола, Кола. . . Глупая головушка. . .»

Интермедия — возвращаясь в Кламси, Кола встречает горожан. В городе неспокойно. Жифлар стал старшиной. Нет от него житья. Все его боятся, прятались в домах. Иуда — он предал всех, разорил всех. Кола решает идти в замок: «Его светлость, мой герцог послушает меня!» — «А знаешь, Брюньон, чем ты рискуешь? — Знаю! Головой! . . .»

7-я картина — герцог садистски наслаждается зрелищем горящих в Кламси домов. Он знает, что кламсийцы кипят возмущением против его солдат, занесших в город чуму и разграбивших его, против нового старшины Жифлара, против него самого. «Сгорит гнездо — погибнут осы!» . . . А тут и сам Жифлар подвернулся. Всю жизнь ждал он случая отомстить Брюньону за то, что только назло ему стала Селина женой герцогского лакея. Он клеветает герцогу на Брюньона: «Брюньон — бунтарь! Поносит Вашу светлость, подбивает горожан на мятеж!» Нет предела бешенству, охватившему герцога. Неумный, неспособный что-либо создать, неспособный даже оценить созданное другими, ничто в искусстве и красоте не смыслящий, но твердо верящий в то, что он — хозяин, а Брюньон — его вассал, его слуга, — герцог зверски уничтожает все творения, которыми он заставил Брюньона украсить свой замок. Горят в камине дивные, из дерева вырезанные олени, ларцы и виноградные лозы. . . И Ласочку — вершину брюньоновского искусства, не пощадил обезумевший варвар. А Жифлар подсоблял ему, конечно, как только мог. . . Громкий стук в дверь. Это сам Брюньон. Он не верит своим глазам. «Боже правый! Что это? Ласка? Ласочка? . . .» И вдруг, рыдания сменяются неистовым хохотом. Острая мысль рождается в творческом мозгу Брюньона. Можно уничтожить все, что он сделал, но руки его, голову его и талант уничтожить нельзя. Он притворно раскаивается в своей «вине» перед герцогом и обещает искупить ее. . .

Интермедия и 8-я картина — веселящейся, шумной толпой собираются кламсийцы на лугу перед замком. Сегодня состоится великое торжество: в день святого Мартина — заступника Кламси, перед замком будет открыт монумент в честь достославного герцога. Брюньон обещал изваять его на коне, с мечом, в латах, в шлеме, грозным и прекрасным. Появляется герцог с гостями. Фанфары, колокола, глшатаи и барабанщики; торжественно-помпезная атмосфера нарастает. Брюньоно предоставляется почетное право снять покрывало с монумента. Кюре благословляет его, кламсийцы поют в честь герцога кантату. И вот наступает торжественный миг. . . Покусившийся на искусство Брюньона, его светлость Герцог д'Ануа этим же самым искусством — неотразимым и могучим оружием, — посрамлен и уничтожен! Смех, разрастающийся до гомерического хохота, торжествует победу. Торжествует победу и Брюньон с народом, торжествует победу неумирающий народный гений, сама жизнь! «Жизнь хороша, друзья мои! Одно лишь худо — коротка! Ах, как хотелось бы побольше! . . .»

Так кончается опера о жизнелюбивом, умном и талантливым мастере из Кламси Кола Брюньоно.

Зав. постановочной частью
Зав. декорационной частью
Грим и парики
Зав. костюмерной частью
Зав. световой частью
Художник-бутафор
Зав. реквизитной частью
Мастер сцены

— Юло Матезен
— Феликс Талинг
— Серафима Громова
— Лейда Сярев
— Велло Куузик
— Вяйно Вахтрик
— Мега Кальт
— Хейнрих Тоотс